

Светлана
Багрянцева

БЕЗ ПРАВА НА ПОЩАДУ

18+

Светлана Багрянцева

Без права на пощаду

«Автор»

2026

Багрянцева С.

Без права на пощаду / С. Багрянцева — «Автор», 2026

— Бери ручку и подписывай, — говорит брат. Я не двигаюсь. Кажется, меня намертво приклеили к полу. Женщина кладёт ручку на журнал и замирает как живая статуя, только глаза испуганно моргают. — Не буду, — голос чужой, от нервов пересохло в горле. — Аслан, пожалуйста Я не выйду за него. — Я не спрашивал твоего согласия. Подписывай, Амина, — брат произносит это ровно, будто общается с задержанным на допросе. Аслан разворачивается ко мне и спокойно, без суеты достаёт пистолет из кобуры. Смотрит в упор. Будто это обычный разговор и он не угрожает сейчас пристрелить собственную сестру. — Подпиши. Или я убью тебя прямо здесь. Я не знаю, правду он говорит или нет, но проверять не хочется. Аслана за глаза называют бешеным волком даже его сослуживцы, спорить с ним смертельно опасно. Смотрю на чёрное дуло круглыми глазами. Сухой щелчок предохранителя заставляет меня протянуть руку и взять ручку. Пальцы не слушаются, но я вывожу на бумаге кривую подпись. В этот момент кажется, будто я уже мертва.

© Багрянцева С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7

Светлана Багрянцева

Без права на пощаду

Пролог

Меня зовут Амина. Мне девятнадцать. И сейчас меня убивают. Не ножом. Не пулей. Хуже.

Я стою в просторном зале, украшенном лепниной и тяжёлыми шторами на окнах. Под потолком горит хрустальная люстра, бросая блики на белые стены. Перед мутным взором всё плывёт, как в калейдоскопе. Полицейский китель брата почти касается моего плеча, от ткани тошнотворно пахнет табаком. На столе лежит раскрытый журнал регистрации. Руслан уже расписался в нём и снова отошёл к окну. Я не знакома с ним и знаю только то, что через пять минут этот человек станет моим мужем.

Регистратор — пожилая женщина в очках, смотрит на брата затравленно. Ещё бы, он ворвался за пять минут до закрытия ЗАГСа, когда все сотрудники уже ушли, и заставил её остаться. Она дрожащей рукой протягивает мне ручку, открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут же клацает зубами. Косится на свидетельство о браке, которое распечатала пять минут назад по его приказу.

— Бери ручку и подписывай, — говорит брат.

Я не двигаюсь. Кажется, меня намертво приклеили к полу. Женщина кладёт ручку на журнал и замирает как живая статуя, только глаза испуганно моргают.

— Не буду, — голос чужой, от нервов пересохло в горле. — Аслан, пожалуйста... Я не выйду за него.

— Я не спрашивал твоего согласия. Подписывай, Амина, — брат произносит это ровно, будто общается с задержанным на допросе.

Аслан разворачивается ко мне и спокойно, без суеты достаёт пистолет из кобуры. Смотрит в упор. Будто это обычный разговор и он не угрожает сейчас пристрелить собственную сестру.

— Подпиши. Или я убью тебя прямо здесь.

Я не знаю, правду он говорит или нет, но проверять не хочется. Аслана за глаза называют бешеным волком даже его сослуживцы, спорить с ним смертельно опасно.

Смотрю на чёрное дуло круглыми глазами. Сухой щелчок предохранителя заставляет меня протянуть руку и взять ручку. Пальцы не слушаются, но я вывожу на бумаге кривую подпись. В этот момент кажется, будто я уже мертва.

— Вот и умница, — холодно роняет Аслан.

Регистратор переводит взгляд с меня на моего брата, её лицо бледное, как стены этого зала.

— Послушайте... — говорит она робко, едва слышно. — Так нельзя. Это же принуждение. Я должна...

— Вы хотите что-то сказать? — перебивает брат. Его голос становится мягким, почти ласковым, отчего по спине пробегает мороз. — Продолжайте. Я слушаю.

Аслан поворачивается к ней. Пистолет он держит стволом вниз, уверенно и небрежно, но так, чтобы женщина отчётливо его видела. Он не дурак и не станет стрелять в помещении, ему достаточно просто показать, кто здесь устанавливает законы.

Женщина шумно сглатывает, ловит его тяжёлый взгляд, затем молча берёт гербовую печать, с силой штампует готовое свидетельство, ставит отметки в наших паспортах и делает финальную запись в журнале.

Я смотрю на своего мужа. Он всё так же стоит у окна, спиной к нам. В его тёмных глазах, когда он оборачивается, нет ни жалости, ни злости. Аслан представил меня ему прямо перед входом в здание. Я ни разу не видела этого человека до сегодняшнего дня и совершенно не знаю, чего от него ожидать. Зачем он вообще согласился взять меня в жёны?

Руслан наблюдал за происходящим так, будто его это совершенно не касалось. Будто я не его будущая жена, а вещь. Будто я вообще не человек. Он даже оружия в руках моего брата не испугался.

— Поздравляю, — ровно произносит муж. На его губах появляется едва заметная, холодная улыбка, в ней чувствуется пугающая уверенность. — Теперь ты моя жена.

Я не плачу, просто не могу. Слезы для тех, у кого есть выбор. В глазах стоит плотная пелена, а в горле застрял тошнотворный ком. Смотрю на красивое, словно каменное лицо Руслана и чувствую, как сильно я его ненавижу. Я его совсем не знаю, но уже ненавижу за то, что он не остановил этот кошмар.

— Спасибо за вашу помощь. Уверен, то, что сейчас произошло, останется в этих стенах. Не навлекайте на себя беду, — вкрадчиво говорит Аслан, убирая оружие назад в кобуру.

Он подходит к столу и кладёт перед женщиной несколько крупных купюр. Регистратор колеблется пару секунд, но затем судорожно прячет деньги в карман пиджака и заверяет, что будет молчать. Этого и следовало ожидать — даже эта милая женщина не станет связываться с Асланом Куртаем.

Мы выходим на улицу. Мужчины идут впереди, о чём-то негромко переговариваясь. Я плетусь сзади, будто у меня перебиты обе ноги. Лучше бы это было так — тогда я попала бы в больницу, а не на брачное ложе. В ушах внезапно грохочет выстрел. Я резко вздрагиваю и только потом понимаю, что это шутка испуганного разума.

На парковке брат перехватывает меня за локоть, резко притягивает к себе и шепчет прямо в ухо:

— У меня сегодня ночное дежурство, но утром я приеду к Руслану. Учти, Амина, если ты окажешься порченной, я пристрелю тебя собственными руками. Хотя нет, не успею — Руслан задушит тебя ещё до моего приезда. Будь пайнкой. Мой друг должен быть тобой доволен. Вещи свои завтра заберёшь из дома.

Аслан отстраняется и уходит к своей машине. Я обречённо иду к внедорожнику мужа цвета мокрого асфальта. Руслан распахивает переднюю дверь и молча ждёт. Забираюсь на кожаное сиденье и начинаю судорожно тереть пояс от платья. Муж резко наклоняется ко мне. Я зажмуриваюсь, но он лишь перетягивает ремень безопасности и со щелчком пристёгивает меня. В этот момент я чувствую его парфюм — дорогой, с горьковатыми нотками лайма.

Я замираю, мечтая только об одном: раствориться, исчезнуть, не быть здесь. Впрочем, меня скоро всё равно не будет, и сейчас мне уже безразлично, кто именно меня убьёт — муж или собственный брат.

Глава 1

Амина

Поминки подходили к концу. Двор постепенно пустел, уходили дальние родственники, соседи. Аслан провожал до калитки, попрощался со всеми. Я стояла у окна своей комнаты и наблюдала за этим. Бабушка сидела рядом в кресле, она вытерла слёзы платком и вздохнула.

— Не понимаю я этого, Амина. Даже на кладбище не съездила, только Ивана пригласили.

— Таков обычай, бабушка, ты просто не привыкла, — тихо ответила я.

— Не живу здесь, так к чему мне привыкать? Когда твоя мать заявила нам, что любит Баграта и уезжает на его родину, мы были в шоке. Я не понимала, как можно настолько влюбиться, чтобы согласиться стать второй женой и сменить веру? Иван был в ярости, пытался не пустить, но она же совершеннолетняя, взяла и уехала.

Я слушала и не понимала, как это взяла и уехала? Да, я была с мамой в гостях у бабушки с дедушкой, знаю, как живут другие люди не из сериалов по телевизору и всё же.

Перевела взгляд с морщинистого лица бабушки во двор дома. Дедушка стоял у персикового дерева и курил. Даже издали было видно, как он нервничает. Ещё бы, сегодня он похоронил дочь. Повезло, что утром были билеты на самолёт, а так бы они с бабулей не успели, у нас же принято быстро хоронить.

На глаза навернулись слёзы. В горле встал тошнотворный ком. Казалось, что аромат поминального плова чувствуется даже здесь. И всё же я никак не могла поверить, что родителей больше нет, хотя сегодня их вынесли со двора закутанными в саван.

На миг почудилось, что отец заедет в ворота на своей машине, а мама выйдет его встречать. Ничего этого больше не будет, они вчера попали в аварию. Поздно возвращались домой, и автомобиль врезался в грузовик, отказали тормоза. Мама умерла до приезда скорой помощи. Отец ещё несколько часов прожил в реанимации.

— Не плачь, бабушка, — я обняла её за плечи.

Хотела сказать, что всё будет хорошо, но вовремя прикусила язык. Без родителей хорошо уже ничего не будет, только скорбь со временем утихнет.

— Амина, зачем тебе тут жить? Переезжай к нам. Переведёшься в наш институт. Возможно, ты захочешь потом остаться. Мы с дедом на тебя квартиру завещаем, — неожиданно сказала бабушка.

Как бы я хотела вырваться отсюда в другую жизнь. Уехала бы и никогда не возвращалась. Учусь на экономиста, поэтому заработаю на жизнь в любом городе. Если будет поддержка родных, то всё получится.

— Хорошо, я поговорю с Асланом. Потом позвоню тебе. Время ещё есть, — ответила я, в глубине души надеясь, что всё получится.

Брат много времени проводил на работе ему не до меня. Он должен понять, что я хочу для себя другой жизни.

— Я буду ждать. Тебе обязательно нужно приехать. Мне больно смотреть, как ты живёшь. Даже на поминках женщины сидят отдельно, будто им нет места среди мужчин, будто они никто здесь. Я и Олю постоянно просила вернуться, но она настолько любила Баграта, что осталась с ним, — с грустью сказала бабушка и всхлипнула.

— Соседки начали со столов убирать, я пойду к ним, мне нельзя бездельничать, Аслан будет недоволен, — спохватилась я и ринулась во двор.

Бабушка пошла за мной. Когда мы вышли на улицу, к нам подошла Лейла, моя бабушка по отцу. Она тепло обняла нас по очереди, ещё раз выразила соболезнования и ушла. Я начала носить тарелки в летнюю кухню, там женщины уже мыли посуду и складывали стопками, забирали то, что принесли из своего дома.

Здесь всегда помогали соседи, особенно когда похороны. Мужчины ставили столы во дворе, женщины готовили плов и другие блюда. Одна я бы ни за что не справилась. Даже не знаю, сколько человек сегодня пришло — сотня, а может, и больше

Я подавила слёзы, рвущиеся наружу, сейчас не время плакать, нужно работать. Потом, когда все лягут спать, у меня будет время погоревать.

Бабушка принялась таскать тарелки со мной, но я её остановила, забирая их.

— Нельзя, ты гостья. Аслан будет недоволен, что я разрешила.

— Ты его так боишься? — удивилась бабушка, приподнимая брови.

— Нет, он же мой брат. Просто я живу тут с рождения и знаю обычаи, а ты нет. Посиди с дедушкой на лавочке под виноградом, там прохладнее.

Бабушка ушла, я посмотрела ей вслед. На ней было скромное чёрное платье, которое почему-то стало расплзаться жутким пятном. Нервы давали о себе знать, невыплаканные слёзы жгли душу. Сердце снова защемило болью, я хочу уехать. На родине мамы я буду намного свободнее, чем здесь.

— У тебя волосы выбились из-под платка. Приведи себя в порядок, Амина, — раздался за спиной голос брата.

От неожиданности я подпрыгнула на месте и чуть не выронила тарелки.

— В доме всё равно не осталось посторонних мужчин. Ты завтра на службу?

— Нет, я взял выходной. Валентине Петровне и Ивану Владимировичу нужно показать город. Возможно, они захотят что-то купить. Жаль, что твой дядя на похороны не прилетел, но это его выбор, не мне его осуждать. Утром повезу вас на кладбище, — спокойным тоном сказал брат, но было видно, как он подавлен.

Я кивнула и ушла в летнюю кухню. Когда снова появилась на улице, брат сидел с дедушкой и курил.

Я знала, что мама вошла в этот дом, когда Аслану было десять. Через пару месяцев первая жена отца умерла от рака, но наказала сыну слушаться мачеху. Как бы странно это ни звучало, но мама любила Аслана как родного. Брат тёплых чувств к ней не испытывал, но никогда не обижал, даже словом.

— Я понимаю ваши чувства, но таков обычай, — донёсся до меня голос брата. Он говорил ровно, но в голосе отчётливо звенел металл. — Ваша дочь сменила имя и веру, поэтому такие похороны. Вы можете взять всё, что хотите, на память о ней.

— Я всё понимаю, у вас тут свой мир и свои порядки! — грозно сказал дедушка, резко рубанув рукой по воздуху. — И всё же стоило сделать скидку на то, что мы её родители! Мы Олю вырастили! Да, для нас она до последнего дня оставалась Ольгой, а не какой-то там Ясминой...

Всевышний, зачем он сердит Аслана?! Сейчас будет настоящий скандал! Дедушка от горя просто не соображал, кому и где он это говорит.

Брат медленно поднялся, но не стал кричать. Он вообще редко повышал голос.

— Вы в моём доме, Иван Владимирович, — тихо произнёс Аслан. — Здесь вашу дочь звали Ясминой. Больше я этого тона не потерплю. Даже от вас.

Дедушка вскочил с лавочки, и я поняла, что он не отступит, будет доказывать свою правоту.

— Ах, не потерпишь?! Да мне плевать, кто ты здесь! Ты мне рот не затыкай! Амину я тут не оставляю. Мы забираем её с собой, и попробуй только...

Дед Ваня шёл напролом, не понимая, что бьёт по гордости Аслана и его праву решать, как мне жить дальше. Скандал, которого я боялась больше всего, начался.